

За новеллу «Течение лета» Кэндзи Маруяма получил премию Акутагавы — высшую в Японии литературную награду.

I

Было всего пять утра, но лучи яркого летнего солнца уже проникали в щель между шторами. Я натянул одеяло на лицо. Ночная прохлада исчезла без следа, день опять обещал быть жарким. Решив, что пора вставать, я отшвырнул ногами одеяло и откинул полог противомоскитной сетки ядовито-зеленого цвета. Протянул руку за сигаретами. В лучах утреннего солнца табачный дым казался фиолетовым. От первой затяжки натошак закружилась голова.

Было слышно, как носятся по дому сыновья. Жена уже встала и чем-то гремела на кухне.

— Проснулся? — прокричала она оттуда.

— Угу, — ответил я не сразу. Дети с топотом ворвались за полог кровати. Старший, которому недавно исполнилось семь, уцепился мне за шею. Второго, пятилетнего, я посадил к себе на колени и стал подбрасывать вверх.

Жена сказала, входя в комнату:

— Перестаньте возиться, сетку порвете.

Она отодвинула сетку, застелила кровать и широко распахнула стеклянную дверь. Мы с сыновьями уселись на подоконник и выглянули наружу. Небо было ярко-синим и почти безоблачным. Океан, видневшийся между тюремной стеной и подножием горы, спокойно катил белые волны. В одноэтажных коттеджах, где жили семьи служащих тюрьмы, все уже встали. Утренний воздух звенел от стрекота цикад.

— Опять жара будет, — сказал я.

— Конечно, — ответила жена, вытирая пыль, — лето же.

Это лето было необычайно жарким, дождя не выпадало уже много дней. Все вокруг высохло, и я подумал о предстоящем дне со вздохом.

Сыновья побежали в прихожую за газетами. Жена, закончив уборку, раздвинула складной стол и занялась приготовлением завтрака. Я посмотрел на ее живот. Он стал заметно больше. Потом отправился на кухню чистить зубы. За ночь вода в трубах остыла, и умываться было приятно. Дети прибежали следом. Заметив, что я смотрю в узкое настенное зеркало, они засмеялись. Я состроил рожу, и они опять радостно загоготали.

Весь завтрак жена только возилась с детьми.

— Не можешь есть? — спросил я ее.

— Утром — никак.

— Все-таки съела бы что-нибудь.

— Когда родишь? — спросил один из сынишек, оторвавшись от чашки чая. Это было так неожиданно, что мы с женой рассмеялись.

— Через три месяца, когда снег выпадет.

— Хорошо бы девчонку, — сказал старший сын.

— Да, неплохо бы. — Жена взглянула на меня. — Ты как думаешь?

— Чего говорить без толку.

— Да я просто так... Ты, конечно, хочешь мальчика.

— Ага, — ответил я, — мальчика. Возни меньше.

— Так есть уже двое. Хочу теперь дочку... Ты слушаешь?

— Слушаю.

— У вас кто-нибудь новый? — спросила жена, заглядывая мне через плечо в газету. Дети тоже стали рассматривать фотографии.

— Никого. — Я сложил газету.

— А как там тот, которого привезли в прошлый раз? — опять спросила жена.

— Кто это?

— Ну, который убил мать с ребенком. Здоровый такой.

— А, этот! Тихо сидит.

— Да? Значит, все ему как с гуся вода. Ведь ребенка же убил, негодяй!

— Так-то оно так.

— Не человек он!

— Человек, человек. Ну ладно, я пошел.

Мне стало скучно ее слушать, и я встал из-за стола. Из тюрьмы донесся вой сирены, извещающий о подъеме. Дети выбежали во двор.

Я открыл шкаф, надел светло-коричневую форменную рубашку и завязал галстук. Рубашка пропахла потом — я надевал ее второй день подряд. Жена сняла с вешалки брюки и слегка прошлась по ним щеткой.

— Фуражку надень, — напомнила она.

— Только не сейчас. Мне и так в ней целый день торчать.

Я вышел в прихожую и надел башмаки. Жена сложила большой белый платок и засунула мне его в задний карман.

— Счастливо, — сказала она.

— Угу. Ты себя нормально чувствуешь?

— Все хорошо.

— Если что — иди к врачу.

— Да знаю я, знаю. Не в первый раз.

Когда я вышел из дома, в переулке на меня налетели сыновья и вцепились в обе руки.

— Только до угла! — крикнула сзади жена. Детишки, повиснув у меня на руках, болтали ногами, и от немощеной дороги поднимались клубы пыли.

— Когда на рыбалку возьмешь? — спросил старший, глядя на меня снизу вверх.

— Скоро.

— Когда «скоро»?

— Когда в школу пойдешь.

— Тогда на море, ладно?

— На море, на море, — подхватил второй.

— Ладно, на море пойдём.

— Когда?

— Через выходной.

— А почему в следующий нельзя?

— Иду на рыбалку. Ну, сыпьте назад. Дальше я один.

— Еще, еще!

— Нельзя, бегите домой.

Мы вышли на широкую заасфальтированную улицу. Машин еще не было.

— Смотрите не уходите далеко от дома.

— Ага. — И мальчишки побежали назад, к новым играм. Я надел фуражку и зашагал по широкой дороге, которая вела к тюремным воротам. На асфальте отпечатались следы шин и ног, но пока он еще был твердым.

С моря задул ветерок. Рядом с дорогой, там, где шло строительство административного здания, присели покурить плотники. Когда я приблизился, они замолчали и не произнесли ни слова до тех пор, пока я не прошел мимо. Я спиной чувствовал их взгляды.

Дорога кончилась. Передо мной были высокие стены и широкие кирпичные опоры ворот. В одной из опор была устроена проходная. Из-за стены доносился треск цикад. Красные от ржавчины ворота были закрыты. Поверхность грязной, застоявшейся воды во рву, расцвеченная масляными пятнами, непрерывно вздувалась пузырьками поднимающегося со дна газа.

Я прошел по подъемному железному мостику и поздоровался с охранником:

— Привет.

— Здравствуйте. Опять жара будет, — лениво ответил толстый охранник. Он открыл мне дверь, и я вошел внутрь. Здесь был совсем иной мир. Криптомерии образовывали целую рощу, там и звенели цикады. Впрочем, в отличие от обычной рощи, здесь не было ни подлеска, ни какой-либо иной растительности, и стволы просматривались до самой земли. Я пошел дальше по старой, мощенной кирпичом дорожке. Людских голосов не было слышно, навстречу мне никто не попался. Дорожка поднялась на невысокий холм и спустилась вниз — там, за деревьями, белели высокие бетонные стены. Я вышел на спортплощадку. Она была ухоженной, приятно зеленел широкий газон. Со всех сторон площадку окружали насыпи, и видно было лишь небо над головой и траву под ногами.

Как всегда срезая путь, я направился прямо по газону к крайнему зданию. Я дошел уже до середины площадки, когда из прорытого в одной из насыпей прохода показалась группа заключенных обычного режима, человек пятьдесят. Недавно обритые головы отливали белизной. Все были в майках и закатанных до колен штанах, в руках мокрое, только что отстиранное белье.

Раздался короткий свисток охранника. Следуя ему, заключенные, как муравьи, рассыпались по газону и стали раскладывать белье на траве. Ветер никогда не проникал в котловину, поэтому можно было не опасаться, что белье разлетится. Четверть газона стала белой от разложенного белья. Заключенные снова построились и по свистку отправились той же дорогой работать в поле.

Когда я наконец пересек площадку, у меня по лицу и по спине уже стекали струйки пота. Поднявшись по каменным ступеням, я вышел к кирпичному зданию, обведенному двойной чертой розового цвета. Здесь были расположены камеры смертников. Вокруг не росло ни одного дерева и ни одной травинки. Дежурные охранники по очереди подметали белый песчаный плац два раза в день — утром и вечером. Тут же находились караульное помещение и смотровая вышка, покрашенная коричневой антикоррозийной краской. На вышке никого не было, там стояли зачехленный прожектор и четыре динамика.

В караулке сидел незнакомый мне молодой охранник. Здесь было тесно, крыша не спасала от солнечных лучей, отражаемых белым песком. Увидев меня, охранник спрятал поглубже носовой платок, подложенный под фуражку, и отсалютовал мне:

— Доброе утро.

— Ну и жара!

— Так точно, жарко.

— Тебя во сколько сменяют?

— В три.

— Самое пекло. — Да.

— И всегда ты в эту смену?

— Так точно.

— М-да, нелегко тебе приходится.

— Служба есть служба.

— Я скажу, чтобы тебе вентилятор поставили.

— Спасибо, очень выручите.

— А где-нибудь сейчас, наверное, идет снег...

— Что вы сказали?

— Нет, ничего. Ты вытирайся платком-то.

— Спасибо.

Я прошел по раскаленному песку к единственному входу в здание — маленькой железной двери — и нажал на кнопку звонка. Через некоторое время открылось зарешеченное оконце, в нем показалось чье-то потное лицо. Оконце тут же закрылось, послышалось звяканье ключей, и дверь отворилась. В дверном проеме стоял Хорибэ.

Закрыв за мной дверь и вынув из скважины ключ, он весело сказал: «Привет». У Хорибэ всегда хорошее настроение.

— Ну и жара! — сказал я.

— Да? А внутри ничего, — ответил он, оглядев меня. Я вытащил из кармана брюк платок, снял фуражку и вытер пот с лица.

По темному коридору мы прошли в помещение для охранников. Мне нравилась эта комната, чистая и прохладная.

Здесь никого не было — все на дежурстве. Плотные зеленые шторы защищали комнату от солнечных лучей, под потолком мягко шуршал новый вентилятор.

— Хочешь ячменного чая? — спросил Хорибэ. Я взглянул на стол.

— Остался от ночной смены, — пояснил он.

— Давай.

— Жаль только, льда нет.

Хорибэ взял со стола, покрытого голубой клеенкой, термос и налил мне чашку чаю. Я залпом проглотил теплый горьковатый напиток Хорибэ налил мне еще и сам тоже выпил.

— Давай в следующий раз поднимемся повыше, — сказал он.

— Ты о чем?

— О рыбалке, ясное дело. О чем нам с тобой еще разговаривать?

— На нынешнем месте нормально клюет.

Я поставил недопитый чай на стол и сел на диван.

— Так-то оно так, да только ловится мелочь всякая, неинтересно. Даром что много.

— Ты что сделал с прошлым уловом?

— Половину съел, остальное — в холодильник. — Хорибэ тоже уселся на диван напротив меня.

— Испортится быстро. Лето ведь.

— Уже начало. Если б были дети, как у тебя!

— Да ну их, надоели до смерти.

— Ничего, это хорошо, когда надоедают. Скоро прибавление в семействе?

— Да-а, третий ребенок..

— Завидую. Подари хоть одного, — засмеялся Хорибэ.

— У тебя еще свои будут.

— Нет, я уж не надеюсь.

— Так думаешь выше подняться?

— Только на мушку там не возьмешь.

— Такие крупные?

— Ага, я ходил смотрел.

— Тогда я захвачу червей.

В коридоре раздались чьи-то шаги.

— Знаешь, кто это? — взглянул на меня Хорибэ.

— Понятия не имею.

— Это Накагава.

— Почему ты так думаешь?

— Он всегда ноги приволакивает.

Шаги стихли, отворилась дверь, и вошел Накагава.

— Вы уже здесь? — сказал он, увидев нас.

— Ну как, привыкаешь помаленьку? — с улыбкой спросил его Хорибэ.

— Да... понемногу, — ответил Накагава, принимая от меня чашку с остатками ячменного чая.

— Ничего, не переживай, — сказал Хорибэ. — Они такие же, как все. Главное — не бери в голову.

— Да, но все же...

— Что «все же»?

— ...все же у них такое выражение глаз, когда они на меня смотрят...

— Какое «такое»?

— Ну, не такое, как у обычных заключенных.

— Это тебе кажется.

— Вы думаете?

— Точно.

Хорибэ помолчал, потом спросил:

— А что, что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего особенного...

— Наверное, тот? — Да.

— Кто это «тот»? — спросил я.

— Ну тот, новенький.

— Вытворяет что-нибудь? — Я вспомнил свой утренний разговор с женой про этого нового заключенного, приговоренного к смертной казни.

— Ты на таких поменьше внимания обращай, — посоветовал Хорибэ. — Если он поймет, что ты его боишься, он тебе на шею сядет.

Накагава, не ответив, отстегнул кобуру и дубинку и повесил в застекленный шкаф на крючок, где была табличка с его именем.

— Слушай, Накагава, хочешь пойти с нами на рыбалку? — спросил я.

— Правильно. Пойдем с нами, — поддержал меня Хорибэ.

— На рыбалку?

— Ну да.

— Но у меня и удочки нет.

— А мы тебе дадим.

— У тебя что, какие-нибудь другие планы?

— В общем, нет.

— Тогда пошли с нами.

— Спасибо.

— Вот и отлично. Ничего с собой не бери. Пожрать мы возьмем. А, Сасаки? — Хорибэ, засмеявшись, посмотрел на меня.

Раздался вой сирены, цикады умолкли. Накагава вышел. Он снимал комнату в городе.

— Точно, — сказал я, — немного приволакивает.

— Я ж тебе говорил.

Мы поднялись, взяли из шкафа оружие, зарядили его и прицепили к ремням. Хорибэ взглянул в зеркало и немного поправил фуражку на голове. Я выключил вентилятор, и мы вышли.

В коридоре одна из ламп собиралась перегореть — то вспыхивала, то гасла. Пройдя в самый конец, мы постучали в зарешеченную дверь, нам открыли, и мы вошли внутрь.

— Спасибо.

— Жарко на улице?

— Ужас!

Поболтав с охранниками, мы приняли у них смену. Двое отдежуривших отправились домой.

Отделение смертников было просторным. Крыши над центральным проходом не было. По обе стороны от него в два яруса располагались одиночки, к которым вели разъемные железные лестницы. Пол покрывали стальные плиты. Здание специально было спроектировано так, чтобы все камеры просматривались из любой точки.

Мы поднялись по правой лестнице. Остальные охранники неподвижно стояли на своих местах. Я встал у одного выступа стены, Хорибэ прислонился спиной к другому. Делать было нечего — только смотреть друг на друга да время от времени вытирать пот платком. Однако мы с Хорибэ давно привыкли к неподвижности. Хоть глаза у нас и открыты, до тех пор, пока никакой посторонний предмет не появится в нашем поле зрения, каждый думает о своем. Как только мой взгляд уперся в стену, он сразу стал невидящим, и мысли потекли своим ходом. Прежде всего — о рыбалке. В последнее время я всегда начинал с размышлений о рыбалке.

Обычно мы ловили рыбу под большим тополем — там было тихо и прохладно. Я попробовал представить себе места выше по течению. До тех пор, пока Хорибэ не предложил переместиться туда, мне и в голову это не приходило. Странно, что мне не надоедало удить всегда в одном и том же месте. Ладно, попробуем подняться повыше. Может, там и правда рыба покрупнее, как утверждает Хорибэ. Значит, в этот раз с нами идет Накагава. Вот только пойдет ли он? Он вроде бы небольшой любитель рыбачить. Лучше бы он все-таки сходил. Там хорошо, прохладно и нервы успокаивает. А Накагаве расслабиться просто необходимо. Вот именно — расслабиться. Правильно, надо обязательно его вытащить...

На этом мысли о рыбалке иссякли, и я стал думать о будущем ребенке. Надо же, уже третий. Не много ли? Многовато. Больше бы уже и не прокормить. Старшему пора в школу идти... Как бы денег поднакопить? Да нет, не получится. Вот если бы *то дежурство* выпадало раза по три в месяц. Со спецоплатой как-нибудь перебились бы. Господи, о чем я думаю! Век бы *того дежурства* не видать... Ладно, хватит. Как-нибудь все образуется.

Мои мысли опять вернулись к рыбалке.

Электронные часы выдали трель. Раздался свисток дежурного. Время прогулки. Кто-то из заключенных громко зевнул, из ближней камеры донесся звук удара тела о стену.

По следующему свистку охранники стали открывать двери. Я отворил камеры на своей половине второго яруса, встретившись с Хорибэ точно посередине. По третьему свистку из

дверей вышли заключенные, одетые в летнюю форму, и стали строиться, повернувшись спиной к проходу. Послышались окрики охранников:

— Не болтать! Не болтать!

— Я тебе плюну!

Новый свисток заглушил голоса, и начался личный досмотр. Заключенный опирался руками на дверь своей камеры, наклонившись вперед. Летом эта процедура была особенно неприятна, поскольку запах потных тел прямо-таки лип к рукам. Я увидел, как Хорибэ, ощупывая ноги того самого заключенного, что-то тихо ему говорит. Тот смотрел прямо перед собой и никак на это не реагировал. Окончив досмотр, мы построили заключенных в затылок. Я встал впереди, Хорибэ — сзади, и в таком порядке мы спустились вниз по лестнице. Раньше, когда я становился к заключенным спиной, у меня, бывало, по спине бежали мурашки. Спустившись по лестнице, мы пропустили вперед другое отделение и вышли на улицу следом за ним. Все, как один, прикрыли рукой глаза от слепящего солнца. Место для прогулки смертников, в отличие от спортплощадки, где заключенные общего режима могли играть на траве в бейсбол и регби, представляло собой тесный дворик, окруженный стеной и разделенный на секторы. Посередине стояла наблюдательная вышка, откуда каждый был виден как на ладони. Сегодня на вышке дежурили мы с Хорибэ. Остальные охранники, запустив в каждый сектор по два смертника, закрыли зарешеченные двери снаружи. И, оставив нас с Хорибэ на посту, пошли отдыхать.

К бетонному полу вышки были прикреплены железные стулья, но нечего было и думать на них садиться — так раскалились они от солнца. Поправив фуражку, я стал вести наблюдение стоя. В отведенных им секторах заключенные отдыхали всяк по-своему. Одни, сняв рубаху и разлегшись на земле, стали загорать, другие — прыгать, третьи — делать гимнастические упражнения, которым обучают в армии. Сверху все это напоминало собачий питомник.

— Не разговаривать! — сердито рявкнул на кого-то Хорибэ.

Разделенные перегородками, заключенные не видели друг друга и все разом посмотрели на нас, чтобы понять, на кого кричат. Однако они прекрасно знали, что, если они не станут разговаривать слишком громко, охранник поленится слезать с вышки и отпирать дверь в сектор, только чтобы заставить их замолчать. Поэтому, загорая, размахивая руками, подпрыгивая, они продолжали вполголоса переговариваться со своими напарниками.

— Ишь как прыгают! — сказал Хорибэ. — И жара им нипочем.

— Нервы успокаивает, когда двигаешься.

— Наверно.

— Точно. Вроде нашей рыбалки.

Наступив ногой на бетонную приступку, Хорибэ стал смотреть на того заключенного. Я спросил:

— Ты чего ему там говорил?

— Я-то? Не приставай, мол, к молодым охранникам.

— Так и сказал?

— Ага, — кивнул Хорибэ, по-прежнему глядя на заключенного.

— Ты Накагаву имел в виду?

— Его, а кого же?

— А этот что?

— Да ничего... Состроил вот такую рожу, — и Хорибэ, выпятив челюсть, изобразил заключенного. А тот, закончив тем временем зарядку, прислонился к стене и, угирая ладонью пот с лица, время от времени поглядывал в нашу сторону.

— Ну и рожа! Прямо съесть готов.

— Да что он здесь может? Что он может? Только рожи корчить.

Заклученный по-прежнему смотрел на нас. Встретившись с ним взглядом, я отвернулся, но Хорибэ глаз не отвел. Тогда тот, пригладив стриженный ежик волос и стряхнув пот со лба, неторопливо двинулся в нашем направлении. Дойдя до решетки, он вцепился в нее руками и встал, не сводя с нас глаз. Хорибэ спустился к двери.

— Тебе чего? Проваливай!

— Не связывайся с ним, — сказал я.

— Ты что вылупился? — опять спросил Хорибэ. Остальные заключенные старались не смотреть в нашу сторону.

— А что, нельзя? — перехватив решетку поближе к Хорибэ, сказал заключенный.

— Скажи-ка, этот подонки еще разговаривает, — прошипел сдавленным от злости голосом Хорибэ.

— Сами вы подонки, — ответил заключенный. — Скольких вы уже вздернули, а? За меня-то вам много заплатят? Ай-ай-ай, такая тяжелая работа, а платят негусто.

— Хорибэ, перестань, ну его.

Хорибэ, сверля заключенного глазами, задвигал желваками. Потом потянулся было к висящей на поясе дубинке, но так и не вытащил ее. Я снова окликнул его. Он взглянул на меня, повернулся к смертнику спиной и поднялся наверх. Заключенный еще некоторое время смотрел на нас, потом медленно отошел к противоположной стенке и сел на землю.

— Этим типом я займусь сам, — сказал Хорибэ. Его лицо было бледным от злости.

— Не злись. Все одно он первый на очереди.

— Кто сказал?

— Бригадир.

— А кто дежурит? — Я.

— С кем?

— С ним.

— С кем «с ним»?

— Ну, с Накагавой.

— Его уже назначают?

— Надо ведь когда-то начинать. Чем раньше, тем лучше.

— Это бригадир так сказал?

— Угу. Выпил тут как-то и разговорился.

— Значит, точно.

— Я бы предпочел с тобой, а не с Накагавой.

— А может, поменяешься со мной? У, паскуда. — Хорибэ опять поглядел на заключенного. Тот, сорвав травинку, покусывал ее, высасывая сок.

— Не положено, — ответил я.

— Жаль.

Хорибэ вытер платком рукоять дубинки. Доносящийся издали стрекот цикад сливался с шумом прибоя. Прозвенел звонок, оповещающая о конце прогулки. Отдохнувшие охранники зашагали по песку в нашу сторону.

II

До казни того заключенного оставалось два дня. На свидание к нему никто не приходил, даже адвокат. Это было не совсем обычно.

Перед смертью все осужденные сочиняют прощальные стихи и танка, но этот даже писать не умел.

Я, как обычно, стоял на своем посту, на втором этаже. Через полчаса заключенных должны были вести в баню, а потом моя смена кончалась. Напротив, сложив за спиной руки, неподвижно застыл Накагава. Сегодня было особенно жарко — даже не двигаясь, я весь обливался потом. Чтобы рубашка не прилипла к телу, я время от времени оттягивал ворот и дул себе за пазуху. Накагава, напряженно вытянувшись, не делал ни одного движения. То и дело я поглядывал на дверь камеры того заключенного. Накагава, по-моему, тоже не сводил с нее глаз. На первом этаже кто-то из охранников, гремя бутсами, прошел по коридору, заглядывая в глазки камер. И заключенные, и охрана изнемогали от жары. Из какой-то камеры послышался скрип кровати. Накагава шевельнулся, и мои мысли переключились на него.

Участвовать в проведении казни в паре с новичком мне было неохота. Каждый пустяк с ним может превратиться в целое ЧП. Это меня беспокоило. Ладно, ничего не попишешь, подумал я. Он ведь в первый раз. Неужели я когда-то был таким же? Да нет, я был поспокойней, так не трясся. Накагава тоже скоро разберется, что к чему. А в чем, собственно, разберется? В чем это таком я разобрался?.. Ни в чем я не разобрался. Просто привык, шкура задубела. И все-таки чем-то я от Накага-вы отличаюсь. Наверняка отличаюсь. Не может быть, чтобы я ничем не отличался от этого молокососа. Наверное, я все же понял нечто, что ему пока недоступно. Несомненно... Да что это со мной? Не все ли равно. Наплевать... Так или иначе, надо взять его с собой на рыбалку. Самое лучшее средство от нервов. Решено, берем Накагаву с собой.

Я стал прикидывать, что нужно будет завтра взять с собой: крючки, наживку, удочки и все такое. Время пролетело незаметно.

Прозвучал звонок, потом два длинных свистка. Охранники поправили форму и подтянулись. В камерах зашевелились заключенные. Накагава отправился вниз за банными принадлежностями. Я прошелся вдоль по галерее мимо своих камер проверить, все ли встали. Тот заключенный сидел неподвижно, но не спал — обжег меня злобным взглядом.

Раздался еще один свисток. Охранники, загремев ключами, открыли двери камер. Стало шумно. Заключенные высыпали в коридор. Я закрыл двери, Накагава раздал всем банные принадлежности. Потом мы приступили к личному досмотру — Накагава с одного конца, я — с другого. Подумав, что не стоит оставлять того типа Накагаве, я заторопился, но все-таки опоздал — молодой охранник уже ощупывал заключенного под мышками. У меня возникло недоброе предчувствие.

Голубой пакет с банными принадлежностями, описав дугу, упал вниз, из него выскочил кусок дешевого мыла и заскользил по полу — прямо под ноги вошедшему в коридор бригадиру. Тот взглянул наверх, рванул из нагрудного кармана свисток и, пронзительно свистя, бросился к кнопке сигнала тревоги, однако нажимать на нее не спешил.

Накагава, упав на одно колено, вцепился руками в перила, а заключенный с размаху бил его ногой в живот.

— Ни с места! Всем стоять смирно! Охранники выхватили дубинки и согнали заключенных в кучу.

— Кто тронется с места, буду стрелять! Бригадир встал у выхода с револьвером в руке, держа палец на спусковом крючке — как на тренировке.

Растолкав заключенных, я бросился вперед по узкому проходу. Тот тип уже ухватился за кобуру Накагавы. Взмахнув дубинкой, я обрушил удар на его подставленный затылок. Мне отдало в плечо, и заключенный рухнул поверх Накагавы. Я хотел врезать ему еще разок, но это было уже ни к чему — он лежал, запрокинув голову, и подергивал ногами как заведенный. Накагава спихнул его и, держась руками за живот, поднялся.

— Надень на него наручники, — сказал я, чтобы привести Накагаву в чувство. Но он застыл на месте с остановившимся взглядом; лицо у него подрагивало. Я наклонился над лежащим ничком заключенным, заломил ему руки за спину и защелкнул наручники сам.

— Всем возвращаться в камеры. Баня отменяется, — объявил бригадир, пряча револьвер в кобуру. Охранники поспешно загнали заключенных в камеры и заперли двери. Недовольно шумя, осужденные прильнули к смотровым окошечкам, желая узнать, что будет дальше. Охранники встали по местам, а бригадир поднялся по лестнице к нам.

— Все в порядке? Ты цел? — спросил он у Накагавы. Тот, глядя под ноги, кивнул. Наверное, боялся, что расплечется, если раскроет рот. Колени у него тряслись, и дрожь передавалась всему телу.

— Все нормально, — ответил я за него и положил руку ему на плечо, но Накагава вдруг отпрянул. Я мысленно присвистнул и внимательно посмотрел ему в лицо. Из рта у него струйками стекала кровь.

— А с этим что делать? — спросил я у бригадира, взявшись за наручники заключенного, уже пришедшего в себя.

— В кабинет для допросов. Ну и кретин! Думает отсрочку себе заработать.

— А помните, одному как-то раз это удалось, — сказал я.

— Помню, помню. Но ведь тот получил ранение. Да и отсрочка-то была на три дня. А этот целехонек. Накагава, ты тоже с нами.

Бригадир спустился вниз.

Я подтолкнул заключенного в спину, и мы пошли вниз по лестнице. Накагава, немного помешкав, двинулся следом. Тут зазвенел звонок, и дневная смена кончилась. На выходе мы столкнулись с Хорибэ, который сегодня дежурил в паре с другим охранником.

— Что стряслось? — спросил он, быстро оглядев нас троих.

— Да вот этот разбуянился.

— С чего это? — Хорибэ попытался заглянуть заключенному в лицо, но тот упорно не поднимал головы.

— На Накагаву набросился, — сказал я.

— Почему?

— Откуда я знаю!

— Ты в порядке? — спросил Хорибэ у Накагавы.

— Все нормально, — ответил я за него.

— Ну-ну. А как с рыбалкой?

— Идем. Гляди не опаздывай, как тогда.

— Не бойся, встану вовремя.

— Ну пока, до завтра, надо еще этого отвести. Попрощавшись с Хорибэ, я взял заключенного за локоть и вывел его в коридор. Потом оглянулся: Хорибэ замахнулся кулаком вслед осужденному и беззвучно засмеялся.

Мы втроем прошли по коридору в узкий бетонированный тамбур, а оттуда в кабинет, напоминавший складское помещение. Я тут бывал столько раз, что и счет потерял.

Из-за отсутствия окон воздух в кабинете был спертым. Ножки деревянного стола и стула наглухо крепились к бетонному полу. На этот единственный стул я и посадил нашего подопечного. Он, очевидно, еще не оправился от удара и двигался как во сне. Мы стали молча ждать, обливаясь потом. Временами Накагава, словно спохватываясь, шумно вздыхал.

Где-то далеко прозвучал свисток. Похоже, заключенных все-таки повели в баню. Потом в коридоре раздался звук шагов, дверь отворилась, и вошли бригадир и узколицый чиновник, державший в руке какие-то бумаги. Чиновник был в светлом пиджаке, с аккуратно повязанным

галстуком пепельного цвета. Я его никогда раньше не видел.

Бригадир представил ему нас с Накагавой и, бегло оглядев кабинет, вышел, но тут же вернулся, неся еще один стул, который предложил чиновнику. Тот сел было, но потом поднялся и перенес стул поближе к заключенному.

— Итак, что произошло? — спросил чиновник, обращаясь к Накагаве.

— Он... меня ударил... ни с того ни с сего...

— Почему? Может, ты ему что-то такое сказал?

— Да нет...

— Так, не говорил... Значит, что-нибудь ему сделал?

— Ничего.

— Никакой провокации не было?

— Никак нет.

— Твоя фамилия, кажется, Сасаки? — обратился ко мне чиновник, вертя в руках карандаш.

— Так точно.

— Все было, как говорит Накагава?

— Так точно.

— А утихомирил его ты?

— Я был ближе всех.

— И каким образом ты это сделал?

— Дубинкой.

— Ударил его дубинкой?

— Так точно.

— Куда?

— Вот сюда. — Я похлопал себя ладонью по затылку. Чиновник, приподнявшись, посмотрел на опущенную голову заключенного. Стриженные волосы на затылке были прямыми, но крови не было.

— Так, травмы нет. Он пытался завладеть оружием? Для побега или с какой-либо иной целью? — спросил чиновник, скользя шариковой ручкой по бумаге, под которую была подложена копирка. Бригадир покачал головой, давая мне знак ответить отрицательно. Чиновник этого не видел.

— Нет, не пытался, — твердо ответил я и взглянул на правый бок Накагавы: из расстегнутой кобуры виднелась рукоятка пистолета. Чиновник тоже заметил это, но ничего не сказал.

Вдруг заключенный вскинул голову, привстал и закричал, обращаясь к чиновнику:

— Врут они! Я бежать хотел! И пистолет пытался выхватить. Вы что, суки, задумали? Вздернуть меня торопитесь? — Я схватил его за плечо и усадил на место.

— Тебя пока не спрашивают, — спокойно ответил чиновник. Заключенный злобно глянул на него, стряхнул мою руку с плеча и судорожно вздохнул.

— Значит, никакой конкретной цели он не преследовал, так?

— Так точно, — ответил бригадир из-за спины чиновника.

— У Накагавы есть травмы?

— Пустяки.

— Ладно, подпишитесь вот здесь.

Чиновник протянул нам исписанный лист бумаги. Мы трое приложили к нему свои печати.

— Можете идти, — сказал чиновник мне и Накагаве и подложил копирку под новый лист бумаги. Мы вышли из комнаты. Проходя по коридору, мы слышали, как заключенный что-то

завопил. Потом стало тихо.

В комнате охранников никого не было, только вентилятор медленно крутил свои лопасти под потолком. Накагава подошел к дивану и молча сел. Я снял фуражку, убрал оружие в шкаф и, подойдя к окну, широко раздвинул шторы. Солнце клонилось к закату.

— Ничего, бывает, — сказал я, глядя в окно. Потом, стараясь не смотреть на Накагаву, подошел к своему столу, вытащил из ящика непечатую пачку сигарет и закурил. От дыма слегка закружилась голова. — Хочешь? — Я протянул пачку Накагаве. Он чуть приподнял голову, взял сигарету и, опять уставившись вниз, стал жадно затягиваться. Пепел сыпался на пол. Я достал еще одну для себя. — Не расстраивайся, — сказал я. — Вот сходим на рыбалку, и все забудется.

Накагава, не ответив, бросил окурок в пепельницу и быстро встал. Потом порывисто снял портупею, запер шкаф и направился к двери.

— Эй, завтра на рыбалку, не забудь, — сказал я ему вслед.

— До свидания.

Дверь захлопнулась. Слегка шаркающие шаги Накагавы затихли вдали. Я тоже направился было к двери, но, передумав, вернулся на диван и не спеша докурил вторую сигарету.

Предвечернее затишье кончилось, задул ветерок. Я посмотрел на часы, выключил вентилятор и вышел из комнаты. Когда я шел по спортплощадке, солнце уже садилось, закат польхал вполнеба. По ту сторону газона чернела чья-то фигура, но тут же скрылась за деревьями. Кажется, это был Накагава.

Луч прожектора медленно делал круги, и огромное световое пятно обшаривало насыпи и деревья.

Возле ворот стояло несколько грузовиков, груженных стульями и столами, которые заключенные изготавливали в мастерских.

Когда я подошел к дому, навстречу выскочили сыновья и повисли у меня на руках.

— Добрый вечер! — крикнула жена из кухни. Дети схватили мою фуражку и понеслись прочь. Я прошел на кухню, умылся, разделся, обтерся водой до пояса и надел халат.

— Милый, ты что, обещал детям взять их на море? — спросила жена за ужином.

— Угу.

— Но ведь сейчас нельзя.

— Почему?

— Волны еще большие. Опасно.

— Ничего. Я знаю тихое место. Я выпил залпом бутылку пива.

— Нет, правда не опасно?

— Ничего.

— Ну и когда ты думаешь? — спросила жена.

— Завтра, завтра! — закричали дети, разбрасывая рис из тарелок.

— Завтра не получится. На рыбалку иду.

— Опять? Ты же совсем недавно ходил.

— Да, опять.

— Неужели это так интересно?

— Конечно. Кто сам не ловил, не поймет, — сказал я. — Приготовь мне еды на двоих.

— Почему на двоих?

— Накагава тоже идет.

— Это который новенький?

— Да.

— Он же молодой, ему, наверно, неинтересно.

— Это я его пригласил.

— Зачем?

— Так просто.

— Ну, а на море когда? — спросила жена, как только, закончив ужинать, дети отвернулись к телевизору.

— Не знаю. Может, во вторник, — ответил я громко, чтобы они слышали. — У меня отгул, — пояснил я жене.

— Значит, в понедельник?..

— Ага.

— И кто на этот раз?

— Да кто-то там, не знаю.

Дети, лежа на татами, изображали, что они плавают в море.

Поздно ночью я проснулся от шума голосов. Жена громко разговаривала с кем-то в прихожей. Я откинул сетку, встал и накинул халат. Второй голос принадлежал мужчине.

Я вышел в прихожую. Там сидел Накагава, сильно пьяный.

Жена, увидев меня, вздохнула с облегчением:

— Хочет тебя видеть, и ни в какуюю.

— А-а, Сасаки-сан. Я ухожу.

Лицо и шея Накагавы были багрово-красными.

— Куда? — спросил я.

— Как куда? Неужто непонятно? С этой злосчастной работы, будь она проклята. — В прихожей разило перегаром.

— Проходи в комнату, — сказал я, — и не шуми, дети спят.

Обхватив Накагаву за плечи, я помог ему подняться, а жена сняла с него туфли. Оглянувшись назад, я увидел две головенки, две пары глаз, сосредоточенно наблюдающие, как я волоку Накагаву в комнату. Жена, всплеснув руками, бросилась снова укладывать детей в постель.

— Ладно, ничего страшного. Эй, воды принеси, — сказал я ей вслед. Она принесла из кухни полный стакан. Накагава залпом выпил воду и, поперхнувшись, рванул ворот рубашки.

— Не под силу мне это.

— Что «это»?

— Не могу убивать людей.

— Тише, — сказал я ему. — Это они убийцы, а не мы.

— И вам, Сасаки-сан, этого достаточно? И вы ничего не чувствуете?

— Почему не чувствую? Чувствую.

— Так почему не уходите с этой работы?

— Легких работ не бывает.

— Не-ет, просто вам все равно. Вам это нравится.

— Что тут может нравиться? — Я начал злиться.

— Значит, просто я не гожусь. Слишком слаб, наверно. Трус я.

— Да ничего подобного.

— Нет, я трус.

— Ты когда поступал на работу, директор тюрьмы с тобой беседовал?

— Беседовал. Он все верно говорил, все правильно. Мне это было понятно. «Святая обязанность, которую кому-то надо выполнять» и все такое... Да только не могу я. Нет моих сил.

— Ты просто пьян. Иди домой и ложись спать.

Я обнял Накагаву за плечи и заглянул ему в лицо. Он плакал, по-детски всхлипывая, и на

пол падали крупные слезы. Потом он что-то пробормотал и разрыдался в голос.

— Слушай, Накагава, — сказал я ему. — Поменяйся в понедельник с Хорибэ. Я скажу бригадиру.

— Но... — Накагава поднял налитые кровью глаза.

— Ничего, не думай о будущем. Пропусти этот раз.

— Но... когда-нибудь ведь все-таки...

— Если тебе совсем не вмоготу, потом еще раз это обсудим. А сейчас иди спать.

Вытирая опухшие от слез глаза, Накагава поднялся. Его лицо было мертвенно-бледным. В прихожей он чуть не упал.

— Не забудь про завтрашнюю рыбалку, — сказал я.

— Там и поговорим.

Обувшись, Накагава открыл дверь и вышел на улицу. В небе светила луна.

— Всего хорошего, — сказала жена и закрыла дверь. Слышно было, как Накагаву вырвало за порогом.

— Может, ты его проводишь? — спросила жена.

— Ничего, дойдет.

— О чем вы говорили?

— Да ничего серьезного.

— Да, — сказала жена. — Наверное, ему действительно лучше сходить на рыбалку.

— Кому?

— Да Накагаве.

— Это точно. Не забудь приготовить для него еду.

— Хорошо.

Звук шагов Накагавы затих вдали. Сегодня он шаркал ногами больше обычного.

Жена повернула в двери ключ. Я взял в комнате стакан, из которого пил Накагава, отнес его на кухню и сполоснул под сильной струей воды.

III

На следующее утро за мной зашли Накагава и Хорибэ, и мы втроем отправились на рыбалку. Накагава был бледен с похмелья. Я не стал ничего говорить Хорибэ о вчерашнем.

Кроме рыболовных принадлежностей и завтрака Хорибэ прихватил с собой пол-ящика пива в бумажной сумке.

Под жаркими лучами солнца мы дошли до остановки и сели в автобус.

Пассажиров было много, но почти все они вышли сразу за городом, и в салоне остались только мы да старуха с ребенком, сидевшим в бамбуковой корзине у нее за спиной. Ребенок все время вертел головой, глядя то на нас, то в окно.

Кондуктор открыл все окна, и по салону разгуливал легкий ветерок. Автобус переехал через большой мост и стал двигаться вдоль излучины реки.

Мы вышли на конечной остановке — маленькой круглой площадке, окруженной зарослями бамбука. Автобус развернулся и, подняв облако пыли, поехал в обратном направлении.

Солнце стояло еще невысоко, и с окрестных холмов доносилось пение птиц. Следом за Хорибэ по дорожке, прорубленной в зарослях бамбука, мы поднялись на холм, у подножия которого журчала речка. Мы спустились вниз и пошли по тропинке вдоль берега. Наши рубашки уже успели насквозь промокнуть от пота.

Мы вышли на наше обычное место. Здесь, в тени большого тополя, меж камней росла

высокая трава. Там, где мы всегда сидели с Хорибэ, трава была примята, валялись окурки и пустые консервные банки.

— Вот тут мы всегда ловим, — сказал я Накагаве.

— Да? — Накагава достал платок, вытер пот со лба и посмотрел на голубую гладь реки.

— Пойдем повыше, — предложил Хорибэ, и мы двинулись дальше. Тропинка кончилась. Крутые склоны холмов спускались к самой воде, тут и там росли сосны и криптомерии. Трава доходила нам до пояса, кое-где в ней краснела земляника. Я сорвал одну ягоду и раздавил ее, пальцы покраснели от сока и пропитались сладковатым ароматом. Хорибэ шел впереди, и каждый раз, когда он спотыкался о какой-нибудь корень, у него в сумке звякали бутылки.

В самом узком месте течение разбивалось о каменистый перекат. Большой камень с ровной поверхностью перекрывал реку почти до самой середины. На нем мы и решили обосноваться. Захватив с собой удочки и еду, мы забрались наверх. Утес раскалился от солнца. Я то и дело снимал соломенную шляпу и вытирал пот. Хорибэ открыл всем по бутылке пива, и мы выпили, но пиво было теплым и противным. Остальные бутылки Хорибэ связал леской и опустил охлаждаться в воду.

— Рыба есть? — спросил я.

— Есть. Гляди! — подавшись вперед, сказал Хорибэ. В голубоватой тени под скалой кругами ходила стайка кижучей. Каждый раз, когда головной менял направление, остальные сворачивали за ним, посверкивая серебристой чешуей. А на глубине неподвижно стояло несколько крупных рыб.

— Вроде гольцы, — сказал Хорибэ, разворачивая завтрак.

— Не может быть!

— Точно.

— Здоровенные. На мушку не возьмешь.

— Не-е, не возьмешь, — согласился Хорибэ. Подальше, на пенистой быстрине, играли ельцы. Хорибэ развернул свой сверток с завтраком и взял в руки удочку.

— Не торопись, — сказал я ему. — Потом поедем.

— Давай удить и есть одновременно.

Я вынул из сумки два свертка и протянул один Накагаве.

— Спасибо.

— Ешь, ешь. Ты же неженатый.

Накагава взял рисовый колобок. Я тоже стал есть. Хорибэ то сажал наживку на крючок, то закусывал, время от времени весело покрикивая.

— Эй, потише! Рыбу распугаешь.

— Ничего, как разбежится, так и вернется.

— Как наши подопечные из тюрьмы, — сказал я.

— Ну, наши-то как раз не возвращаются.

В ответ на эту шутку Накагава криво улыбнулся.

Мы расселись кто где хотел и закинули удочки. Сидеть на камне было жарко, но речная прохлада и плеск воды все же приносили облегчение.

Я поставил банку с червями в тень и стал следить за поплавком. Прицепленный на крючок червяк шевелился в воде красной точкой, и кижучи собрались вокруг него.

Первым маленького кижуча поймал Накагава. Он неловко вытащил крючок, разорвав рыбе рот. Хорибэ бросил кижуча в ведро, которое поставил в неглубокую лужу.

— Ну как, интересно? — спросил он у Накагавы.

— Да.

— Теперь лови покрупнее, — сказал я ему.

Я поднял удочку и забросил крючок подальше, на глубину. Стоявшие неподвижно рыбы бросились врассыпную от поплавок, потом осторожно стали приближаться. Одна схватила червя, белый поплавок задергался, потом вдруг пошел вниз, и леска натянулась. Рыба пыталась освободиться от крючка, остальные быстро уплыли. Убедившись, что крючок сидит крепко, я медленно подвел рыбу поближе и, дав ей выдохнуться, подцепил сачком. Кижуч был сантиметров на двадцать, он трепыхался у меня в руке, оставляя на ладони серебристые чешуйки. Хорибэ подал мне ведро, и я бросил туда свою добычу. Моя рыба была гораздо крупнее той, которую поймал Накагава.

— Ничего рыбеха, — сказал Хорибэ.

— Да, большая, — согласился Накагава. — Угу.

Мы молча смотрели на кижучей. Тот, что поменьше, лежал брюхом кверху, шевеля разорванным ртом, потом медленно перевернулся.

За час мы поймали штук тридцать и заполнили ведро доверху. Потом клев почти прекратился.

— Давайте пивка попьем, — предложил я.

— Давай.

Хорибэ осторожно, стараясь не разбить о камни, вытянул из воды бутылки. Пиво было холодным, и мы быстро его выпили.

— Слушай, Хорибэ, — сказал я.

— Чего?

— Завтра я дежурю.

— Знаю. Очередь того психа.

— Да, его.

— Значит, не удалось ему оттянуть.

— Не удалось. Если б каждый так пытался, нам бы житья не стало.

— Ну и чего?

— Ты не поменяешься с Накагавой?

Посмотрев на меня, Хорибэ перевел взгляд на Накагаву. Тот сосредоточенно изучал свой голубой поплавок. Из роуци, расположенной выше по течению, доносился крик кукушки.

Хорибэ вдруг рассмеялся.

— Не бери в голову, — сказал он Накагаве, — смотри на это дело просто, как на рыбалку.

Накагава поднялся.

— Ты куда?

— Пойду искупаюсь.

Он поспешно спрыгнул со скалы и побежал вверх по течению. Хорибэ опять засмеялся.

— Не смейся.

— Да смешно ведь.

— Чего тебе смешно?

— Черт его знает, сам не пойму.

— Вот и не смейся. Видишь, он психует.

— Ладно, не буду. Что-нибудь еще с тех пор стряслось? — спросил он, пытаясь подавить смех. Я рассказал ему, как Накагава напился и приходил ко мне домой.

— Ну, это еще не причина, чтобы его подменять, — сказал Хорибэ, швырнув пустую бутылку через реку. Бутылка, не долетев до берега, с всплеском упала в воду, и быстрое течение унесло ее прочь.

— Он говорит, что уволится, — сказал я.

— Накагава? Он это всерьез?

— Похоже на то.

— Хм, а что скажет бригадир?

— Ну, можно ему объяснить, что, мол, у охранника личные счета с заключенным или что-нибудь в этом роде.

— Это верно, — согласился Хорибэ, — но бригадир все равно может заставить его отдежурить.

— Зачем?

— А чтобы раз и навсегда избавить от мандража.

— М-да, это возможно.

Отойдя от нас подальше, Накагава нырнул с берега в тихую заводь. Испуганные трясогузки, стуча хвостами по воде, пронеслись над поверхностью реки.

— Ну и тип, — сказал Хорибэ, — хлопот с ним не оберешься.

— Это точно. Но ты все-таки подмени его завтра. Он скоро возьмет себя в руки.

— Ну да, скоро.

— Не язви.

— Ладно, понял. Подменю, — сказал Хорибэ и швырнул бутылку в стайку кижучей. Они тут же исчезли. Я громко позвал Накагаву. Крик кукушки оборвался. Накагава вылез из воды и, поддерживая плавки, побежал к нам по песку.

— Он тебя подменит! — крикнул я Накагаве со скалы.

— Да? Спасибо.

— Да ладно, — сказал я. — В следующий раз пойдешь сам.

— Хорошо.

Накагава забросил на скалу одежду, залез сам и уселся на камень в одних плавках. Капли воды стекали с его тела и тут же высыхали.

— Слушай, Накагава, — сказал Хорибэ, — ты задумывался когда-нибудь, что это за публика?

— ...Убийцы.

— Вот именно. Мы ведь тех, кто не виноват, не наказываем. А эти убивают людей, чело-ков, понял? Живых людей. Ты был когда-нибудь на месте убийства?

— Нет...

— Брось, Хорибэ, — сказал я. — У каждого бывает хреновое настроение.

— Конечно бывает. Работа у нас такая. Ты учти, что этот, завтрашний, даже ребенка не пожалел. Взял за ноги да и выбросил со второго этажа на бетонную мостовую. Ребенка, понял?

— Они не люди, — сказал я. — Только выглядят как люди. Вот, например, когда пускают в серийное производство какой-нибудь сложный агрегат, в отдельных экземплярах обязательно будет брак. Что с такими делают? Выбраковывают и выбрасывают. То же и с людьми. Брак никому не нужен.

Накагава открыл рот и хотел что-то сказать, но промолчал.

— И хватит об этом, — добавил я, чувствуя, что не в меру разболтался.

— Так или иначе, завтра подежурю я, — сказал Хорибэ.

— Еще будем удить?

— Давай.

— Послушайте... — начал Накагава, но Хорибэ прервал его:

— Все, поговорили.

До захода солнца мы наловили еще несколько десятков рыб. Тех, что покрупнее, мы потрошили, промывали и нанизывали сквозь жабры на бамбуковый прут.

К остановке мы подошли, как раз чтобы успеть на последний автобус.

Понедельник. Тучи с утра заволокли небо. Похоже, собирался дождь.

Когда я проснулся, завтрак уже был готов. Дети еще спали. Я вспомнил, что за ночь несколько раз просыпался. Перед таким дежурством это со мной бывало всегда.

Я пошел на кухню умываться и бриться. Пальцы пропахли рыбой, и, сколько я их ни мыл, запах не отставал.

Жена дала мне свежевystиранные брюки и рубашку.

— Дождь будет, — сказала она, когда я сел завтракать.

— Угу.

— Ты чего?

— Ничего.

— А почему такой мрачный?

— Такой же, как всегда.

— Устал на рыбалке?

— Нет, я хорошо выспался.

— Поешь еще немного.

— Нет, хватит. Дай чаю.

— Пойдешь завтра?

— Куда?

— На море.

— А, пойду.

— Правда?

— Я же обещал.

— Я, пожалуй, дома останусь.

— Идем с нами.

— Да? Но я же в положении, — сказала жена, кладя руку на выпятившийся живот.

— Ну и что? Тебе полезно иногда бывать на солнце.

— Ты думаешь?

— Ну конечно. И ребенку полезно.

— Тогда я тоже пойду.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Да и трудно мне будет одному с чертенятами управляться.

— Верно. Надо будет еды захватить.

— Пива купи. В маленьких бутылках.

— С собой возьмешь?

— Угу.

— Ой, как все-таки здорово!

— Да, первый раз искупаешься в этом году. — Допив чай, я надел брюки и рубашку.

Накрахмаленная ткань приятно холодила кожу.

— Ну, я пошел.

— Может, зонтик возьмешь? — спросила жена, высунувшись за дверь и глядя в небо.

— Не надо. Тут близко. Если и польет, то ненадолго.

— Ну ладно, счастливо.

— Ага.

Небо почернело, стало темно, как вечером. В соседних домах еще спали.

Когда я подошел к тюрьме, в ворота въехал, светя фарами, фургон с новыми заключенными.

— Привет.

— Рановато вы сегодня.

— Да, рано.

— Значит, сегодня?.. — спросил толстый охранник из-за застекленного окошка.

Не отвечая, я прошел мимо. «Ай-ай-ай», — сказал охранник мне вслед. Я обернулся и увидел, что он улыбается, странно кривя рот.

Я молча прошел через ворота и зашагал по аллее. В рубашке с короткими рукавами было холодно.

Выйдя на спортплощадку, я увидел впереди Хорибэ. Провыла сирена. Сразу в нескольких корпусах раздались свистки и шум. Я бегом догнал Хорибэ.

— Привет, — сказал он, обернувшись.

— Давай-ка поспешим.

Мы быстрым шагом пересекли спортплощадку и вошли в проход, сделанный в насыпи. Дорожка, ведущая к экзекуционному корпусу, была посыпана белым песком, на котором остались аккуратные следы от метелки.

Мы с Хорибэ прошли в комнату охранников и стали готовиться.

— Сейчас ливанет, — сказал Хорибэ, стряхивая пепел с сигареты и глядя на небо в щель между шторами.

— Давно дождя не было.

— Да, как назло.

— Лучше бы в такой день не работать.

— Точно, — ответил Хорибэ.

— Закончить бы поскорее.

Открылась дверь, и вошел бригадир. Сегодня он тоже оделся во все чистое, но вид у него, как всегда, был немного комичный.

— Что с Накагавой? — спросил он у меня, увидев Хорибэ.

— Поменялись.

— Да? Ну ладно.

Бригадир дал нам новые белоснежные перчатки и смотрел, как мы их натягивали. Они были еще теснее, чем обычно.

— Как там *этот*? — спросил Хорибэ у бригадира.

— «Этот»? Сегодня он у нас так называется? — с серьезным видом переспросил бригадир и улыбнулся. У него еще были и другие дела, и он поспешно вышел.

— Похоже, наш приятель тут буянил, — сказал Хорибэ.

— Похоже.

Продолжая собираться, мы поглядывали в окно и говорили о рыбалке.

— Полило.

Крупные капли застучали по стеклу, стекая струйками вниз. В комнате трижды прозвенел звонок. Мы вышли в коридор.

— Счастливо потрудиться, — приветствовала нас ночная смена.

— Как *этот*? — спросил я.

Ночной дежурный, криво улыбаясь, сказал, что заключенный всю ночь рыдал.

— Надо было перевести его в другую камеру, — сказал Хорибэ.

— Да я просил бригадира, а он говорит, и так сойдет.

— Почему?

— Боялся, что *этот* станет брыкаться, еще травму получит, и казнь могут отложить.

— Это верно, — сказал Хорибэ. — Остальные, поди, не спали?

— Куда там! *Этот* закатил концерт. Вешайте, кричал, меня скорее.

— Да-а, дела, — сказал я.

— А, пустяки. Подумаешь, в дверь ломился. Все равно из камеры никуда не денешься.

Охранник потер красные от бессонной ночи глаза и отпер ключом решетчатую дверь, перегораживающую коридор. Было тихо. Лишь изредка раздавались шаги часовых. Раньше в такие минуты мне казалось, что все камеры вдруг разом вымерли. Но это было давно, теперь такие дурацкие мысли мне в голову не приходили.

Раньше камеры в этом корпусе были грязные, набитые битком, а *дежурить* приходилось по три раза в месяц. Теперь охранников стало больше, а число смертников сократилось.

По крыше барабанил дождь.

— Ну и льет! Пропала моя форма, — сказал Хорибэ, показывая на недавно полученные новые брюки.

— И моя. Только из чистки.

— Что им стоит построить крытую галерею к тому корпусу?

— Ага, мы б тогда не мокли, — сказал я; перед глазами у меня возникла аккуратно выметенная белая дорожка метров в пятьдесят длиной, ведущая к экзекуционному корпусу. Прозвучала вторая сирена, извещающая о времени завтрака для заключенных обычного режима. Послышался шум шагов, и в коридоре появилась группа людей. Впереди шел долговязый директор тюрьмы, чуть сзади и сбоку от него виднелось плечо бригадира. За ними — три чиновника, в том числе тот, что вел протокол, когда этот бросился на Накагаву. Замыкал шествие священник. Он был раза в два крупнее любого из нас и одет в черную рясу, так что вид имел весьма внушительный. Хорибэ терпеть не мог этого здоровенного неряшливого дядьку. У меня его жирная физиономия тоже не вызывала симпатии.

Священник, поняв по белым перчаткам, что дежури́м сегодня мы, улыбнулся нам слабой, женственной улыбкой.

— У, брюхан, — пробормотал Хорибэ, скривившись.

— Тихо ты!

Этот поп служил у нас уже пятый год, продержавшись гораздо дольше, чем кто-либо из его предшественников, и не было случая, чтобы он пропустил хоть одну казнь.

Все вошедшие расселись на специально для них выставленных стульях. В день казни все смертники настороже, и в камерах тишина — ни шороха, ни звука.

Дождь лил все сильнее. Бригадир обратил на это внимание директора. Тот, выдвинув вперед свою и без того выпяченную челюсть, отрицательно покачал головой.

В течение следующих тридцати минут никто не произнес ни слова. Мы с Хорибэ не сводили глаз с камеры приговоренного, а вся эта компания так и сидела на стульях без движения.

Длинная стрелка электронных часов коснулась цифры 12. Свистка не было, просто бригадир снизу махнул нам с Хорибэ рукой. Все тут же встали, а священник раскрыл Библию и стал читать нараспев. Молодой охранник, держа на вытянутых руках деревянный ящичек, где лежал белый хлопчатобумажный саван, поднялся по лестнице к нам. Я выбрал из связки ключ и остановился перед дверью камеры. Бормотание священника приблизилось. Директор встал за спиной у Хорибэ, чиновники окружили нас с боков, а поп вышел вперед. Я вставил ключ в скважину и осторожно стал открывать дверь, но она громко заскрипела. Хорибэ толкнул ее, и мы заглянули внутрь. В нос ударил специфический камерный запах. Через оконную решетку было видно, как льет дождь.

Заключенный лежал, свернувшись клубком и закутавшись в вытертое тюремное одеяло. Мы с Хорибэ, стуча бутсами, вошли в камеру. Приговоренный резко повернулся, и одеяло на нем

закрутилось. Директор взял у одного из чиновников протокол и громко назвал смертника по имени. Тот продолжал лежать. Бригадир подал нам знак глазами. Одеядло сползло, и показалось лицо заключенного. На нем застыло какое-то бессмысленное выражение. Хорибэ подошел к смертнику сзади и тряхнул за плечи. Тот вздрогнул всем телом и посмотрел сквозь ресницы сначала на меня, потом широко раскрыл глаза и оглядел всех остальных. Я, не мешкая, надел на него наручники. Осужденный рванулся вперед, пытаюсь сбросить со своих плеч руки Хорибэ, и тут же перед ним очутился поп.

— Успокойтесь, — сказал он.

Хорибэ поставил смертника на ноги. Я открыл ящичек и вынул аккуратно сложенный белый саван с поясом.

— Сам наденешь? — спросил у осужденного бригадир. Заключенный посмотрел на саван и отшатнулся. Все смертники, сколько я их помню, реагировали так же. Хорибэ сзади схватил его за плечи, а я расстегнул наручники. Нижнее белье приговоренного было чистым, только что из стирки. От долгого сидения в тюрьме мускулы его когда-то крепкого тела утратили былую упругость.

Согнув ему сначала одну руку, потом другую, я продел их в рукава. Затем повязал поверх савана пояс и снова надел наручники. Все это время поп торчал перед нами как изваяние и непрерывно бормотал что-то, листая Библию.

Дождь за окном превратился в настоящий ливень.

Директор тюрьмы подал знак, и все двинулись в путь. Впереди шел сам директор, за ним поп, потом мы с Хорибэ вели осужденного, а за нами следовали чиновники и бригадир. Когда мы покинули камеру, туда сразу вошел охранник — делать уборку. Очень медленно мы спустились по железной лестнице. Грохот наших шагов заполнил весь коридор, сливаясь с шумом дождя, колотившего по крыше. В одной из камер кто-то начал тихонько покашливать и кашлял до тех пор, пока последний чиновник не сошел вниз по лестнице. Перед решетчатой дверью выстроились остальные охранники, провожая глазами нашу процессию. На улице лило как из ведра. И деревья вдали, и газон спортплощадки, и насыпь, и тюремные корпуса заволкла пелена дождя. Бригадир раскрыл зонтик и держал его над осужденным. Остальным приходилось мокнуть. Столь аккуратная прежде дорожка, ведущая к экзекуционному корпусу, была теперь вся изрыта потоками дождя. С иголок молодых гималайских кедров, недавно посаженных вдоль дорожки, непрерывно стекали желтоватые капли. По веткам с чириканьем прыгали вымокшие, нахохленные воробьи. Я шел, сжимая рукой левое запястье осужденного. Через ткань савана я чувствовал биение его пульса и тепло кожи. Процессия продвигалась вперед без помех. Если бы не дождь, подумал я, все было бы совсем как в тот раз, когда дело обошлось без единого инцидента. Правда, тот осужденный долго болел и ослабел до такой степени, что мало отличался от трупа.

Посередине пути смертник вдруг рванулся что было сил, пытаюсь освободиться. Поняв, что это ему не удастся, он уронил голову и подогнул колени, затормозив движение. Уставившись в землю, он стал еле слышно что-то повторять. Процессия остановилась, однако никто не покинул своего места. Мы с Хорибэ переглянулись и рывком поставили осужденного на ноги.

— Ну-ну — сказал поп, обращаясь к нему, — успокойтесь. Возьмите себя в руки. Вам недолго осталось страдать.

Плечи осужденного поникли, он не держался на ногах и всем телом повис у нас с Хорибэ на руках. С козырька фуражки мне на лицо стекали дождевые капли, и я с силой тряхнул головой.

Процессия снова тронулась в путь. Дорожка привела к круглому зданию, это и был экзекуционный корпус. Слева перед ним стояла отполированная временем мраморная стела.

Когда мы поднимались по ступенькам ко входу, осужденный наступил на полу савана и опрокинулся назад, увлекая за собой меня и Хорибэ. Однако бригадир тут же поднял его на ноги — травм у него не было. Хорибэ поглядел на свои испачканные брюки, потом на меня и скорчил гримасу.

Перед входом мы остановились. Наши лица отражались в круглых шляпках больших декоративных гвоздей, которыми была обита крепкая складная дверь светлого дерева. Директор, как всегда, немного постоял перед ней. Потом он шагнул в сторону, и вперед вышел бригадир, который надавил на дверь обеими руками. Она сложилась гармошкой, не скрипнув хорошо смазанными петлями.

Стены комнаты были завешаны черными и белыми драпировками. В центре стоял алтарь, покрытый белой материей. За ним был расположен вход в экзекуционную камеру, пока скрытый от глаз шторой. Все вошли внутрь, закрыв за собой дверь. Пламя толстых свечей, горевших на алтаре, слегка заколебалось от движения воздуха, и блики побежали по металлическим поверхностям. Дневной свет проникал в помещение через два круглых оконца в потолке, сейчас залитых потоками дождя.

Мы с Хорибэ усадили осужденного на стул перед алтарем. У всех на пол с брюк стекала вода. Кто-то кашлянул.

— Поднимите голову, — сказал поп осужденному. Тот немного приподнял лицо и уставился на пламя ближайшей свечи. Медленно повернувшись огромным телом, поп встал лицом к алтарю. Потом, как фокусник, извлек откуда-то фиолетовую ленту, прикоснулся к ней толстыми губами, повесил себе на шею, поклонился и перекрестился.

Держа в руках раскрытую Библию, поп стал читать с того же места, что и всегда, выговаривая знакомые слова протяжным, тонким голосом. Начало я уже знал наизусть. Дождь с прежней яростью лупил по крыше.

Временами небо освещали вспышки молний и доносились дальние раскаты грома.

Проповедь и молитвы шли своим чередом. Один из стоявших сзади чиновников, тот, что в центре, со значительным видом держал в руках папку с бумагами. Бригадир решительно сцепил руки за спиной, отчего его плечи казались еще шире. Директор тюрмы, выпятив челюсть, смотрел в потолок, кивая в такт словам священника и растроганно шмыгая носом. Так он вел себя всегда. Хорибэ застыл в неподвижности, я рассматривал раннюю лиловую хризантему в вазе тонкого стекла. Наручники осужденного, лежавшие у него на коленях, все время тихонько позвякивали.

Молитва, затихая, подходила к концу. Поп перекрестился, колыхнув черной шелковой рясой, и, сладко пропев «аминь», медленно повернулся к приговоренному.

— Отныне с вас снимается вина за свершенные вами злодеяния, и вас ожидает царствие небесное. Ничего не бойтесь и ни о чем не тревожьтесь, — сказал он, кладя пухлую руку с толстым кольцом на плечо заключенного. Звяканье наручников прекратилось, и плечи осужденного напряглись. Я хотел удержать его, но он уже повалился лицом вперед, под ноги попу. Тот отскочил с неожиданным проворством. Библия вылетела у него из рук и сшибла с алтаря одну из свечей. Хорибэ взмахнул дубинкой, но бригадир успел схватить его за руку. Осужденный пополз по забрызганному водой полу, но запутался в полах своего савана, повалился на бок и так и остался лежать. Я взялся за его наручники, Хорибэ придержал ноги, и мы опять усадили заключенного на стул. Белый саван на спине почернел от грязи, но на полу следы его ползанья быстро высохли. Поп опять улыбнулся своей женственной улыбкой. Он был похож на жирную черную бабочку.

— Не надо шуметь. Тише. Вам нечего бояться. Успокойтесь и повторяйте за мной слова молитвы. Тогда преступления ваши простятся и вам откроется царствие небесное. Ну же...

И поп начал нараспев читать набор коротких фраз, которых, наверно, в другом месте не услышишь. Но осужденный не стал ему вторить, от страха он не мог ни на чем остановить взгляд, и зрачки его быстро двигались то влево, то вправо. Не обращая на это внимания, поп быстро допел положенное до конца.

— Так, — сказал он. — Теперь положите сюда руку и скажите «аминь».

Поп сунул осужденному под нос Библию в черном кожаном переплете. Хорибэ двумя пальцами взялся за цепь наручников и положил руки заключенного на Библию. Из всех охранников на такое был способен только он.

— Аминь, — сказал поп, взглядом призывая осужденного повторить. Тот помолчал, потом, двинув губами, беззвучно произнес пересохшим ртом: «Аминь».

Его руки, скользнув по кожаному переплету, упали обратно на колени. Поп отошел, и вперед выступил директор.

— Не желаешь ли что-нибудь сказать напоследок? Что угодно... — сказал он театральным голосом. Осужденный будто не слышал.

— Покуришь? — спросил опять директор и протянул сигарету с золотым ободком.

Осужденный проводил взглядом руку директора, чуть помедлив, взял сигарету и засунул ее в рот до половины, но сигарета осталась совершенно сухой. Бригадир вынул из канделябра свечу и дал ему прикурить. Осужденный несколько раз порывисто затянулся и, захлебнувшись дымом, закашлялся. Пепел сыпался на пол.

— Еще одну?

Директор опять протянул пачку. Осужденный выплюнул недокуренную сигарету и засунул в рот новую.

Бригадир снова поднес свечу, но смертник не стал затягиваться, и сигарета, почернев, тут же погасла.

— Я вижу, хватит, — сказал директор и подал нам знак. Я откинул белую штору, за которой был вход в камеру.

В камере было темновато, под потолком светилась одна голая лампочка. Мы с Хорибэ, взяв осужденного под руки, ввели его внутрь. Когда все вошли, бригадир задвинул штору.

Приговоренный едва переставлял ноги, и нам приходилось практически тащить его волоком. Увидев перед собой ступени эшафота, он резко вздернул голову, посмотрел наверх и что-то невнятно выкрикнул. Его вопль гулко отдался в камере.

Я посмотрел на эшафот. Осужденного надо было туда втащить.

Хорибэ первым стал взбираться по деревянной лестнице, он тянул осужденного за наручники. Я подталкивал его сзади, а смертник упирался и что-то кричал. Раза два он споткнулся о ступени, заставляя нас с Хорибэ хвататься за перила, чтобы не упасть.

Мы поставили осужденного в центре эшафота. Я надел ему на голову черный мешок и затянул его шнурком. Смертник тут же умолк и замер. Воспользовавшись этим, Хорибэ обхватил его ноги и, отворачивая лицо, чтобы уберечься от удара, стянул их мягким ремешком с застежкой. Осужденный начал вырываться, трясти головой и кричать. Он без конца выкрикивал одно и то же слово, так что в конце концов я его разобрал. Это было чье-то имя.

Повторив его несколько раз, осужденный стал призывать другого человека, потом еще, словно вспоминая всех, кого знал. Некоторые имена были женскими. Напоследок он принялся звать женщину, носившую одинаковую с ним фамилию. Перед казнью все они зовут своих знакомых и близких. Почему — не знаю.

Мне хотелось поскорее со всем этим покончить. Хорибэ — тоже. Я поспешно взялся за конопляную веревку, свисавшую с прикрепленного к потолку блока, и затянул петлю на шею осужденного.

Все смотрели на нас снизу. Я увидел насуспенное лицо директора, который с важным видом подал знак рукой. Мы с Хорибэ отскочили в сторону.

Люк с грохотом открылся, и на эшафоте остались только мы двое. Я заглянул в дыру, разверзшуюся у нас под ногами. Там было темно, ничего не видно.

Веревка, спускавшаяся с потолка в люк, медленно раскачивалась. Я подумал, что она похожа на маятник часов, отмеривающих время от жизни до смерти. В такт покачиванию веревки поскрипывал блок наверху. Его, видно, давно не смазывали.

Прошло довольно много времени, все ждали. Я вспомнил, что в момент, когда распахнулся люк, вспыхнула яркая молния. Но, может быть, мне это только показалось.

Положенное время истекло. В дверцу, находящуюся в основании эшафота, вошел инспектор с секундомером в руке, за ним — врач с фонендоскопом на шее. Свой портфель он оставил снаружи. Веревка вдруг ослабла и заскользила вниз...

Работа была окончена, и все вышли на улицу. Дождь прекратился, тучи начали рассеиваться. Застрекотали цикады. Ветерок шумел в ветвях гималайских кедров, сдувая с них дождевые капли.

Впереди нас с Хорибэ бок о бок шли поп и директор.

— Сегодня ничего прошло, — сказал Хорибэ. — А?

— Говорю, поработали сегодня нормально.

— Пожалуй, — ответил я. Из-за туч выглянуло солнце. Когда мы вошли в комнату для охранников, там сидел Накагава в штатском.

— С возвращением, — сказал он, оглядев нас.

— Ты чего это здесь? Почему в штатском?

Глядя на Накагаву, я снял и отшвырнул белые перчатки. Он посмотрел на них, но тут же отвел взгляд.

— Я... — начал он.

— А? — обернулся к нему Хорибэ.

— Уволился, — решительно закончил Накагава.

— Что? Кто тебя уволил? — спросил Хорибэ.

— Никто.

— Так в чем дело?

— Я сам так решил, — ответил Накагава. Хорибэ посмотрел на меня. Я отвел глаза и закурил сигарету.

— Я, наверное, плохо поступил, — сказал Накагава, — но мне это...

— Не под силу, а? — закончил за него Хорибэ. Накагава покраснел.

— Другую работу нашел? — спросил я.

— Нет пока. Хочу домой съездить, поразмыслить.

— Ну-ну.

— Ладно, ничего, — сказал Хорибэ. — Найдешь себе другую работу. Ты парень молодой, неженатый.

— Я вам напишу.

— Ага, напиши. Слушай, а может, ты все-таки поторопился?

— Может быть. Но я уже билет купил. Боялся, что передумаю.

— Понятно...

— Спасибо вам за все.

— Да не за что.

— Счастливо.

— Пока.

— Ага.

— До свидания. — Накагава вышел из комнаты. Ноги при ходьбе он больше не приволакивал. Мы с Хорибэ сидели на диване и молчали.

— Ты видел, как он смотрел? — спросил Хорибэ.

— А?

— Видел, говорю, как он смотрел на нас?

— Дрожал немного.

— Такую рожу соорудил, будто на гадюку наступил. Хорибэ встал, взял у меня из пачки сигарету и посмотрел на белые перчатки, валявшиеся на столе.

— Зло меня берет.

— Меня тоже, — сказал я.

— Слюнтяй чертов.

Хорибэ сердито подошел к окну и отдернул шторы.

— Ладно, кончай, — сказал я.

Снова проглянуло солнце, ярко осветив все углы комнаты.

V

После казни мне полагался отгул, и на следующий день мы с женой и детьми отправились на море. Мы поднялись на высокий холм. Внизу расстилался океан, дул сильный ветер.

Дети кубарем скатились по раскаленному песку, радостно визжа.

— Ой, волны высокие, — сказала жена.

— Угу.

— Ничего? Не опасно? — спросила она, придерживая рукой соломенную шляпку с красной лентой.

— Здесь опасно, — ответил я. — Есть место потише.

Я взял у жены корзинку с провизией, и мы спустились вниз, к детям. Вблизи волны казались еще выше. Когда они откатывались, обнажая морское дно, детишки бросались подбирать ракушки и камушки.

Разувшись, мы пошли вдоль берега по воде. Волны мочили нам ноги до колен и откатывались прочь. Кипящая пена и морская вода влекли за собой, словно хотели угащить в глубину.

Вскоре мы вышли к бухточке, окруженной скалами. Здесь было мелко, большие волны сюда не доходили, а вода была чистой и прозрачной.

Жена раскрыла под скалой большой красно-белый зонт, расстелила на песке клеенку и стала доставать из корзины сок и бутерброды.

Я раздел сыновей до плавок и пошел с ними купаться. Песок на дне, где поглубже, был холодным. Мы стали брызгаться водой, а жена, смеясь, смотрела на нас с берега. Потом я выплыл на глубину и нырнул. Дно было освещено солнцем, моя тень скользила по волнистому песку. Стайка рыбешек бросилась от меня врассыпную.

Наплававшись, я улегся загорать на разрушенных мостках, нагретых солнцем. Дети что-то строили на берегу из песка. Потом я вернулся к жене, вытерся полотенцем и выпил пива.

— Какое место хорошее, — сказала жена.

— Лучше, чем дома сидеть, а?

— Ага. И для маленького, наверное, полезно. — Угу.

— Что с тобой? — спросила жена, заглядывая мне в лицо.

- Ничего.
- Да нет, я же вижу. Еще со вчерашнего дня.
- Может, и так.
- Как дела у Накагавы?
- Уволился.
- Правда? Почему?
- Не понравилось.
- До такой степени?
- Вроде бы.

Я зарыл пустую бутылку в песок, оставив торчать одно горлышко. Жена достала мне из кармана рубашки пачку сигарет. Вытерев руки полотенцем, я закурил.

- Не годился он для вашей работы, — сказала жена.
- А я гожусь, что ли?
- Не знаю. Хорибэ-сан, наверно, годится.
- Наверно.
- Он — годится.

Волна смыла гору из песка, нарытую детьми.

- Ой! — вскрикнула жена.
- Ты что?
- Нет, ничего. Ребенок шевельнулся.
- А-а.

Жена смотрела вдаль, на белые рыбацкие суда.

- Вот подрастут дети, узнают, где я работаю, что они скажут?
- Почему ты спрашиваешь? Ты никогда об этом не говорил.
- Так, — сказал я, — попробовал себе представить. Рыболовецкие суда разом загудели.

Испуганные чайки взлетели с волн и кругами стали подниматься в небо.

Жена громко позвала детей. Они побежали к нам, расшвыривая песок.